

На правах рукописи

МУХИНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ВОСПОМИНАНИЯ ПОВОЛЖСКИХ УЗНИКОВ ГУЛАГА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Специальность 07.00.09 –
Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2006

Работа выполнена на кафедре историографии и источниковедения исторического факультета Казанского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Литвин Алексей Львович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Синицын Олег Владимирович
кандидат исторических наук
Хафизова Сирена Сагитовна

Ведущая организация: Институт истории Академии наук
Республики Татарстан

Защита состоится «___» _____ 2006 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01. в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 1112

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тематическим и источниковедческим аспектами.

Истории политических репрессий в Советском Союзе посвящены многие отечественные и зарубежные исследования, произведения писателей и публицистов. Достаточно назвать наиболее известные из них «Архипелаг Гулаг». А.И. Солженицына, 7-митомное документальное издание о советской репрессивной карательной политике и ее результатах, труды зарубежных историков¹, чтобы убедиться в этом. Изучение истории «человеческих бедствий» всегда актуально, как для того, чтобы подобное не повторилось, так и в плане более глубокого познания прошлого страны.

В настоящее время советские исправительно-трудовые лагеря вспоминаются как один из горьких эпизодов истории страны. Но они показали, как сильно экстремальные условия могут деформировать личность человека, превратив значительную часть своего населения в послушную массу, а «свободных» жителей инфицировав страхом разделения подобной участи.

В российском обществе до сих пор присутствует неуверенность в том, что советская карательная политика стала только историей. Поэтому необходимость изучения влияния репрессивной политики, а особенно ее неотъемлемых механизмов – тюрем, лагерей – на население вызывает особый интерес.

Другой аспект значимости проблемы связан с важностью анализа привлекаемых для раскрытия темы источников.

Советское руководство, стремясь не допустить разглашения «государственных тайн», многие свои распоряжения скрывало за грифами «секретно», «совершенно секретно», а некоторые документы уничтожало вообще. Подобное табу лежало и на документах, раскрывающих деятельность карательных учреждений.

Имеющиеся источники, связанные с историей советского ГУЛАГа весьма разнообразны и сложны. Среди них масса фальсифицированных документов: следствен-

¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. М., 2004 – 2005; Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2002; Черная книга коммунизма. Преступление. Террор. Репрессии. Сб. ст.; перевод с французского. М., 1999 и др.

ные дела, создаваемые в 1930 – начале 1950-х годов, затем были отвергнуты в процессе реабилитации большинства политических заключенных¹.

Вследствие этого можно утверждать, что история репрессивной машины времени сталинизма недостаточно отражена в документах и изучена в исследовательских работах². Большую значимость в этой связи представляют воспоминания бывших узников советских исправительно-трудовых лагерей. Этот ценнейший источник, раскрывающий многие стороны жизни советского общества и советского человека, позволяет выявить новые возможности исследования феномена сталинизма.

В распоряжении историков находится большое число опубликованных и неопубликованных воспоминаний, созданных жертвами государственного террора, арестованными в различных субъектах Советского Союза. Воспоминания поволжских узников ГУЛАГа, также как и общая масса мемуарных свидетельств о советских тюрьмах и лагерях, представлена неодинаковыми по происхождению, роду занятий, профессии, полу, национальности, религиозной принадлежности авторами, различными причинами и обстоятельствами возникновения, временем создания и публикации. Специфика данной группы источников в уникальных сведениях о проведении в жизнь репрессивной политики сталинского руководства в поволжском регионе.

Воспоминания поволжских узников ГУЛАГа в качестве одного из ценнейших источников по истории репрессивной политики могут дать ответы на многие вопросы, связанные с ее историей.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования определяется огромной важностью изучения истории репрессий и исправительно-трудовых лагерей, а также практической значимостью, так как позволяет углубить представления о методике работы с воспоминаниями, созданными жертвами политических репрессий, как источников личного происхождения.

Объект и предмет исследования. Объектом данного диссертационного исследования являются воспоминания бывших узников тюрем и исправительно-трудовых лагерей Советского Союза, созданные в 1920 – начале 2000-х гг. Предметом

¹ См.: Два следственных дела Евгении Гинзбург /сост. и вступ. статья А.Л. Литвина; предисл. В.П. Аксенова. Казань, 1994; Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. //ВИ. 1998. №11-12. С. 10-48; Литвин А.Л. Следственные дела как исторический источник // Эхо веков. 1995. №2. С. 170-176; Он же: Следственные дела советских политических процессов как исторический источник // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва. 1-2 июня 1999 г. М., 2001. С. 332-336; Перемышленникова Н.М. Архивное следственное дело как исторический источник. // Там же. С. 337-340.

² Кан А.С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР //ОИ. 2003. № 1. С. 120-133; Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка. // ВИ. 2002. № 10. С. 6, 8 и др.

лагерей Советского Союза, созданные в 1920 – начале 2000-х гг. Предметом изучения – анализ мемуарных свидетельств поволжских узников ГУЛАГа, написанных в 1950 – начале 2000-х гг., что позволяет реконструировать общественную обстановку в регионе глазами ее современников, выявить влияние экстремальных условий на жизнь и мировоззрение населения.

Хронологические и территориальные рамки. Хронологические рамки исследования можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, источниковедческий аспект вынуждает определить границы исследования – 1920 (время создания и выход в свет первых свидетельств о большевистских (советских) тюрьмах и лагерях) – начало 2000-х гг. (многие узники ГУЛАГА живы и продолжают писать в своих мемуарах о времени репрессий и годах, проведенных в заключении).

С другой стороны, особенность тематики ограничивает исследование периодом с 1918 г. по середину 1950-х годов. Исходная дата определяется временем возникновения советских государственных карательных органов – чрезвычайных комиссий и первых лагерей принудительных работ (концентрационных лагерей). Конечная хронологическая граница связана с окончанием эпохи сталинизма, когда прекращаются массовые политические репрессии, амнистируются и реабилитируются многие жертвы государственного террора, вследствие чего число политических заключенных в исправительно-трудовых лагерях заметно сокращается.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают, главным образом, поволжский регион: Астраханскую, Волгоградскую, Нижегородскую, Саратовскую, Самарскую, Ульяновскую, Ярославскую области, Республику Башкортостан, Мордовию, Марийскую республику, Республику Татарстан, Чувашию. Этот регион понес немалые потери в ходе репрессивной политики советского правительства, о чем свидетельствуют различные источники, в том числе многочисленные свидетельства бывших узников ИТЛ СССР.

Цель и задачи исследования

Учитывая актуальность проблемы, целью данной диссертационной работы является выяснение специфики воспоминаний бывших узников тюрем и исправительно-трудовых лагерей СССР, арестованных в Поволжье и их анализ как источников по истории советской репрессивной политики.

Достижению указанной цели должно способствовать решение ряда задач, которые можно сформулировать следующим образом:

- Выяснить основную специфику мемуарной литературы бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей СССР;
- Обозначить особенности поволжской «лагерной» прозы;
- Выявить влияние времени между происходившими событиями и написанием мемуаров на содержательные особенности данного вида исторического источника;
- Показать влияние экстремальных обстоятельств лагерной жизни на внутренний мир «жертв репрессий» и содержание их воспоминаний.

Методологическая основа исследования.

Методы исследования определяются представленными целями и задачами. При написании диссертации была использована система методов как общенаучных (анализ, синтез, индуктивные и дедуктивные методы), так и специально-исторических (историко-сравнительный, ретроспективный методы, метод периодизации).

Кроме того, в исследовании были использованы источниковедческие методы: поисковые и исследовательские.

Из всей системы исследовательских методов источниковедения в данном диссертационном исследовании был применен метод критического анализа мемуаров. Данный метод основывается на следующих основных положениях: 1) изучение личности автора, времени и места происходивших событий, степени участия автора в них; 2) изучение событийной канвы происходивших событий, о которых пишет автор; 3) исследование литературы, посвященной интересующим событиям.

Применение подобных приемов к различным текстам воспоминаний позволяет представить целостную картину интересующих нас событий, такими, как они виделись их современникам и понять причины изменения их оценки с течением времени.

Использование вышеозначенных методов представляется обоснованным, так как они способствуют решению поставленных в работе целей и задач.

Состояние научной разработки проблемы

Анализ исторической литературы показывает, что воспоминания бывших заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей Советского Союза, в том числе и его поволжских узников, широко используются во многих исследовательских рабо-

тах по истории сталинизма, политических репрессий, истории исправительно-трудовых лагерей, но практически нет источниковедческих работ, посвященных их анализу. Изучением воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа занимаются, в основном, западные историки¹, а также отечественные филологи². В российском источниковедении до сих пор данные источники не классифицированы, им не даны определения, научно не обоснованы их особенности, не выработаны приемы и методы их анализа и т.п.

Тем не менее, своеобразие темы и источников позволяет выделить несколько групп исследований, в которых в той или иной мере затрагивается изучаемая нами проблема:

– во-первых, это источниковедческие разработки по изучению мемуаристики в целом – это труды Л.И. Деревниной, В.С. Голубцова, В.В. Кабанова, А.Г. Тартаковского, Л.Н. Пушкарева, Е.А. Чекуновой, М.Н. Черноморского³ и др.

Данные работы представляют различные подходы к изучению мемуарного наследия в российской истории, предоставляют в конкретно-исторических разработках способы работы с мемуаристикой, технологию критического анализа мемуаров.

– во-вторых, это труды историков, которые исследуют различные аспекты существования советских тюрем и исправительно-трудовых лагерей: историю возникновения⁴; статистические данные⁵; организационную структуру, режим и производст-

¹ A revolution of their own: voices of soviet history /ed by Engel B.A., Posadskaya A Boulder, CO, 1998; Gorsuch A. Women s autobiographical narratives: soviet presentations of self // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian history. № 2(4). Fall 2001. P. 835-847; Mason E. Women in the GULAG in the 1930-s. // Women in the Stalin era / ed. by melanie Пис. Hourdmills; NY, 2001. P.131-150.

² Васильева О.В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50-60-х годов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.2. Вып.4. 1999. С. 54-63; Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе. XIX-XX вв. Дис. ...к. и. н. Саранск, 2003; Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: Учеб. пособие. М., 2004; Френкель В. В круге последнем. Варлам Шаламов и Александр Солженицын //Даугава. 1990. № 4. С. 79-83 и др.

³ Деревнина Л.И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников. // Вопросы архивоведения. 1963. №4. С. 32-38; Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск, 1986; Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; Кабанов В.В. Между правдой и ложью. (Отечественные мемуары XX в). М., 2004; Курносов А.А. Приемы внутренней критики мемуаров //Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1963; Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М, 1975; Сиротина И.Л. Отечественный тип философствования в мемуарах русской интеллигенции от XIX к XXI веку. Саранск, 2002; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – п.п. XIX в. М, 1991; Черноморский М.Н. Работа с мемуарами по истории КПСС. М., 1965; Чекунова Е.А. Русское мемуарное наследие второй половины 17-18 веков. Опыт исторического анализа. М., 1995 и др.

⁴ Иванова Г.М. Как и почему стал возможен ГУЛАГ //Гулаг: его строители, обитатели и герои /под. ред. И.В. Добровольского. М., Франкфурт-на-Майне, 1999. С. 11-129 и др.

⁵ Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004; Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные станицы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 35-40; Он же. Сталинизм: легенды и факты // Слово. 1990. № 7. С. 67-80.; Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа. // Родина. 1991.№ 6/7. С. 69-70; Он же. ГУЛАГ: историко-социологический аспект. // Социс. 1991.№ 6. С. 10-27 и др.

венную деятельность¹. Отдельную подгруппу составляют работы, которые освещают историю различных лагерей по географическому принципу (Соловецкого, Колымского, Печорского и других)².

Данные работы важны для составления объективной картины существования советских исправительно-трудовых лагерей;

– в-третьих, это исторические разработки, в которых освещаются политические, идеологические, социально-экономические аспекты существования советского государства в период сталинизма³.

Подобные исследования важны для сопоставительного анализа в свободном и изолированном обществах, атмосферы, царившей на «свободе» и в ГУЛАГе.

– в-четвертых, это исследовательские работы, освещающие политику террора в поволжском регионе⁴. Данные работы позволяют представить масштабы репрессий в регионе, понять причины обвинительных заключений тех или иных политических процессов, узнать судьбы многих поволжских узников ГУЛАГа, понять атмосферу, царившую в годы сталинизма в Поволжье.

¹ Кокурин А.И. ГУЛАГ: структура и кадры. // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109-129; № 9. С. 110-123; № 11. С. 107-124; № 12. С. 94-111; 2000. № 1. С. 108-123; № 5. С. 99-116; Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ. // ВИ. 2001. № 1. С. 44-60; Нахпетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа. // ВИ. 2001. № 6. С. 126-137; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х ч. М., 1999. Ч. 1-2., Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960 / сост. М.Б. Смирнов М., 1998; Гулаг: его строители, обитатели и герои /под. ред. И.В. Добровольского М., Франкфурт-на-Майне, 1999 и т.д.

² Бердинских В.Я. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001; Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово, 1994.; Голубчиков С. Сталинские «освенцимы» на Чукотке // Энергия: экономика, технология, экология. 1991. № 2. С. 35-39; Иванов Н.С. Это было на «великих» стройках // Огонёк. 1990. № 17. С. 12-15; Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. Караганда, 2002; Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2002; Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Учёные – узники Печорских лагерей. // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 19-46; Морозов Н.А., Рогачёв М. Б. ГУЛАГ в Коми АССР. // ОИ. 1995. № 2. С. 182-188; Чухин И.И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1995; Он же: Интернированная юность. М., Петрозаводск, 1995 и др.

³ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб, 2000; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999; Она же. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935. М., 1993; Она же: Советская жизнь: Обыденность испытания. На примере истории Торгсина и ОГПУ // ОИ. 2004. №2. С. 113-124; Павлова И.В. Механизмы власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1994; Он же. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; Стецовский Ю.И. История советских репрессий. В 2-х т. М., 1997. Т. 1-2 и др.

⁴ Багаутдинов Ф. По закону 1934 г. Казань, 1992; Кузнецов Н.С. Из мрака: О репрессиях интеллигенции в Удмуртии. Ижевск, 1994; Куликов К.И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; Литвин А.Л. Без права на мысль: Историки в эпоху большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994; Он же: Запрет на жизнь. Казань, 1993; Он же: «Кухня дьявола». // Татарстан. 1993. № 12; Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х гг. Йошкар-Ола, 2000; Симбирская Голгофа. /сост. свящ. В. Дмитриев. М., 1997; Степанов А.Р. Расстрел по лимиту: хроника политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1996; Султанбеков Б.Ф. Сталин и «татарский след». Казань, 1995; Султанбеков Б.Ф., Хакимянов Р.Г. Политические репрессии в Татарстане. Законы. Исполнители. Реабилитация жертв. Казань, 2002; Удмуртия: массовые репрессии 1930-50 гг. Исследования документов. М, Ижевск, 1993; Фролов Н. Трагедия народа. (Из истории репрессий Черемшанского района Татарстана). Казань, 1999 и др.

– в-пятых, особую группу литературы представляют исследования, посвященные психологии людей, попавших в экстремальные условия лагеря. К сожалению, в российской исторической науке нет подобных работ, в отличие от зарубежной историографии. За границей, к примеру, вышли работы психоаналитиков Б. Беттельхейма и В. Франкла¹. Данные исследователи сами прошли все круги ада в немецких концентрационных лагерях в 1940-е годы, затем стали профессиональными учёными, занимающимися вопросами изменения личности в условиях концлагеря.

Данные исследования оказали большую помощь для постижения психологии человека, попавшего в экстремальные условия лагеря. Хотя в них изучаются несколько иные условия и обстоятельства, но при сопоставлении свидетельств бывших узников советских лагерей и данных исследований замечаются поразительные сходства.

Таким образом, историками была проделана большая работа, но исследуемая нами проблема мемуарных свидетельств бывших заключенных советских тюрем исправительно-трудовых лагерей не получила должного рассмотрения. Данное диссертационное исследование позволит преодолеть данный пробел в области мемуаристики и позволит выявить новые возможности этого источника для исследования феномена сталинизма.

Источниковая база диссертационного исследования. Основной комплекс составили опубликованные и неопубликованные тексты воспоминаний поволжских узников советских тюрем и исправительно-трудовых лагерей, созданные во второй половине 1950 – начале 2000-х гг. В качестве дополнительных источников были использованы мемуарные свидетельства бывших заключенных ГУЛАГа, арестованных в других регионах СССР, написанных в 1920 – первой половине 2000-х гг.

Вышедшие в свет источники представлены как отдельными публикациями, так и свидетельствами, опубликованными в различных сборниках и на страницах периодических изданий.

Многие тексты мемуаров бывших узников ГУЛАГа находятся на хранении в различных архивах. В данном исследовании были использованы источники, отложившиеся в архиве Государственного объединенного музея (ГОМ) Республики Татарстан, а также в архиве Научного историко-просветительского центра (НИПЦ) «Мемориал» г. Москвы.

¹ Беттельхейм Б. Просвещённое сердце. // Человек. 1992. № 3. С. 74-85; № 4. С.55-64, № 5. С. 48-59, № 6. С. 50-71; Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.

В ГОМе РТ была исследована папка № 309 «Политические репрессии 1930-1940-х годов»¹. В ней представлены личные документы, апелляции, жалобы репрессированных, материалы обысков, копии из архивно-следственных дел. В ней же отложилось несколько писем, отправленных политическими заключенными из лагерей к родным в Казань. В числе прочих документов папка № 309 содержит и воспоминания бывших узников ГУЛАГа, а также их родственников.

В архиве НИПЦ «Мемориал» воспоминания бывших жертв репрессий составляют архивный фонд «Коллекция мемуаров и литературных произведений»², состоящий из 3 описей. В общей совокупности фонд содержит около 300 текстов воспоминаний. Источники его наполняющие представлены рукописями и машинописными текстами воспоминаний, созданных в разные годы и разными по происхождению, образованию, национальности, религиозной принадлежности, времени заключения авторами. Определенную часть составляют свидетельства, написанные бывшими узниками лагерей, арестованными в Поволжье.

Среди источников имеются как полные законченные воспоминания бывших узников ИТЛ, повествующие о годах, проведенных в заключении, так и незаконченные, недоработанные тексты. Кроме того, в архиве содержатся воспоминания близких родственников жертв политических репрессий, очерки журналистов о судьбах репрессированных.

В качестве источника исследования были привлечены также указы, распоряжения советского правительства, отражающие репрессивную политику: постановление НКЮ о Тюремных рабочих командах (1918 г.), оперативный приказ НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (1937 г.), оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию женщин и детей изменников Родины» (1937 г.) и т.п. Большая часть подобных документов, отражающих карательную политику советского государства, опубликована в сборнике «ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960»³.

Научно-практическая значимость видится нам в двух аспектах. Во-первых, материалы диссертационного исследования могут составить источниковедческую основу для будущих исследователей воспоминаний бывших узников лагерей в самых

¹ ГОМ РТ. п. 309

² Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2.

³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 /под. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002.

разных аспектах. Во-вторых, выводы и положения работы могут быть использованы не только в качестве источниковедческой основы, но также в качестве своеобразных ориентиров для будущих историков политических репрессий в годы сталинизма.

Кроме того, материалы работы могут быть использованы и при написании обобщающих работ по источникам личного происхождения в целом, и мемуаристики, в частности; а также при разработке соответствующих спецкурсов.

Структура диссертации определяется логикой исследования и соответствует поставленным задачам. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Разделение на главы произведено по дисциплинарному признаку (в первой главе анализируются воспоминания бывших узников ГУЛАГа как источник, во второй главе рассматривается содержание данного источника). В первом параграфе первой главы дается классификация данного источника, во втором параграфе дается характеристика авторства.

Во второй главе отражается влияние различных условий и обстоятельств на содержание подобного вида источников (в первом параграфе влияние тюремного заключения, во втором параграфе – лагерного).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость темы, определены объект и предмет, раскрывается степень разработки проблемы, хронологические и территориальные рамки диссертационного исследования, определяются цель и задачи, охарактеризована его методологическая база, анализируется источниковая база работы, определена научно-практическая значимость работы.

Первая глава – «Воспоминания бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей как источник личного происхождения XX в» – посвящена анализу мемуаров бывших узников ГУЛАГа как исторического источника и состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Классификация воспоминаний бывших узников ГУЛАГа» помимо классификации воспоминаний выявляются причины и обстоятельства создания данных источников.

Прежде всего, следует заметить, что воспоминания поволжских узников ГУЛАГа, как по форме, так и по содержанию, в большинстве своем, схожи с подобными «неповолжскими» воспоминаниями. Вследствие чего, обозначая особенности присущие мемуарам бывших заключенных ИТЛ СССР как источника личного происхождения, мы будем характеризовать данные источники вне зависимости от места ареста автора.

В настоящее время создано и опубликовано значительное число воспоминаний бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей СССР. Как свидетельствую официальные данные, на 1 января 1953 года, то есть в последние месяцы правления Сталина, в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержалось 2 472 247 заключенных, среди которых имелись люди разных полов, возрастов, профессий, вероисповеданий, национальностей, уровней образования и т.п. Поэтому среди авторов воспоминаний – научно-технические работники, священнослужители, партийные работники, военные, редакторы журналов и газет, рабочие и крестьяне, арестованные в разное время и за различные «преступления», побывавшие в заключении в различных по географическому расположению лагерях.

Главное, что объединяет весь этот конгломерат источников: воспоминания, в большинстве своем, созданы теми, кому довелось в советское время (большей частью в эпоху правления Сталина) пройти через тюрьмы, лагеря, ссылки, выжить в них и, освободившись на основе тюремно-лагерных впечатлений создать уникальные свидетельства, рассказывающие о масштабах, методах проведения, направленности, содержании репрессивной политики советского государства.

Ввиду неоднозначности, разноплановости и большого количества источников, немалую роль в изучении воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа занимает вопрос о классификации, которая могла бы охватить их разнообразие, обозначить отличительные свойства отдельных групп данного мемуарного комплекса.

Классификация воспоминаний, предложенная Л.И. Деревниной¹, в ее несколько интерпретированном виде позволяет выделить следующие группы среди данных мемуарных свидетельств:

¹ Деревнина Л.И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников. // Вопросы архивоведения. 1963. №4. С. 33-36

1). Классические воспоминания, в которых авторы повествуют о годах, проведенных в тюрьмах и лагерях, или делают акцент лишь на каком-то из эпизодов своей жизни, связанным с карательной политикой советского государства.

Типичный путь советского заключенного включал в себя примерно одинаковые жизненные рубежи – арест, тюрьма, этап, лагерь, освобождение (этот круг мог повторяться не один раз), реабилитация (если автор до нее доживал). Вокруг этих ключевых моментов и ведется повествование мемуаристов. Разница зачастую состоит во временной и пространственной заданности событий. Многие при этом в изложении происходивших событий зависят от уровня образованности автора, от его понимания исторической обстановки того времени.

Эту группу воспоминаний составляет наибольшее количество текстов, поэтому среди данной выборки можно выделить отдельные подгруппы по различным критериям: – по региональному признаку, в зависимости от места ареста автора: в Башкирии¹, Саратовской², Самарской³ областях и т.д.;

– по профессиональному признаку, в зависимости от образования и рода занятий создателя мемуаров: воспоминания инженеров⁴, учителей и преподавателей⁵, актеров⁶ и т.д.

– по критерию опубликованности и т.п.

2). Литературная запись воспоминаний бывших узников исправительно-трудовых лагерей.

В зависимости от специфики авторства, в данной группе можно выделить две подгруппы: а) воспоминания, в которых автор сам выступает творцом литературной формы воспоминаний¹.

¹ Азнабаев К.К. «Все выдержал и в народ свой верю» // Урал. 1989. №1. С.158-167; Устинова Ш.Ш. Моя исповедь. // Архив НИПЦ «Мемориал» Ф.2. Оп.1 Д. 120 и др.

² Борин А.А. Преступление без наказания: (Воспоминания узника ГУЛАГа). М., 2000; Павлов И.П. Двойная жизнь //Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий. М., 1991. С. 350-354; Лapidус Е.А. (Воспоминания) // Будем помнить...: (Воспоминания жертв политических репрессий) / под. ред. Совета ДИПП и БО «Мемориал» Г. Самары. Самара, 2000. С. 39-42 и др.

³ Белоусова А.А. Мне разрешили самостоятельные полеты, но отказали в возможности их осуществить // Будем помнить...: (Воспоминания жертв политических репрессий) / под. ред. Совета ДИПП и БО «Мемориал» Г. Самары. Самара, 2000. С. 9-17; Евсеев П.Я. (Воспоминания) // Там же. С. 23-34 и др.

⁴ Будагов Г.Г. Записки инженера железнодорожного транспорта Г.Г. Будагова, репрессированного в 1930 г. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 2. Д. 13; Гизатуллин Р.Х. Нас было много на челне: Документальное повествование. М., 1993 и др.

⁵ Зюзин П.Ф. Я сеял хлеб...В. Пышма, 1999; Орлов Н.А. Время славы и подлости //Петля-2: Воспоминания, очерки, документы /сост. Ю.М. Беледин. Волгоград, 1994. С. 19-46

⁶ Жженов Г. Прожитое. М, 2005; Окуневская Т. Татьяна день. М, 2003 и т.д.

Источники этой разновидности вплотную смыкаются с художественной литературой (в современном учебнике по источниковедению их определяют как «новую», или «лагерную» прозу²), а зачастую и с историческими трудами согласны многие историки, к примеру, авторы исследования по демографической истории, характеризуя мемуарную литературу бывших узников ГУЛАГа, заявляют: «поскольку в ней присутствует и сильный аналитический момент, она в немалой степени определяет современную историографическую ситуацию»³). Мемуары из данной категории источников выделяются глубоким осмыслением общей исторической обстановки, на фоне которой они описывают пережитые ими события и современников.

Таким образом, эта группа источников совмещает в себе, с одной стороны, многие признаки мемуарных произведений, так как материал для написания брался из собственной жизни, а с другой стороны, их можно отнести к самостоятельному жанру литературы, так как они обладают законченной художественной формой.

б) записи воспоминаний бывших узников ГУЛАГа, сделанные профессиональными литераторами, когда профессионал либо редактирует предложенную ему рукопись⁴, либо сам создает текст воспоминаний на основе взятого интервью у бывшего политического заключенного⁵. Инициатором создания воспоминаний в первом случае становился сам участник событий, который стремился придать своим запискам законченную форму, во втором случае инициатива принадлежала чаще всего литератору, так как личность бывшего узника ГУЛАГа была ему чем-то интересна.

В любом случае форма и содержание подобных источников в большей или меньшей степени зависели от воздействия литератора, от его видения происходивших событий.

¹ Волков О. Погружение во тьму. М., 2000; Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. 1918-1956: Опыт художественного исследования. В 3-х т. М., 1989; Шаламов В. Преодоление зла: Антироман, повесть, рассказы. М., 2004 и др.

² Источниковедение: Теория. Историография. Метод. Источники российской истории /под. ред. И.Н. Данилевского и др. М., 2000. С. 639

³ Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть... С. 21

⁴ Брухис Л.И. Чужой спектакль: Кн. воспоминаний / лит. запись В.И. Христовского. Рига, 1990; Витман Б.В. Шпион, которому изменила Родина / лит. запись Т. Вульфовича. Казань, 1993 и др.

⁵ Азнабаев К.К. Через круги ада. // Трудный путь к правде /сост. Г.Д. Иргалин, Н.П. Каменев. Уфа, 1997; Барыкин И. Номер 2 М-809. // Петля: воспоминания, очерки, документы. Волгоград, 1992; Ермолаев М.М. Мои лагерные годы: Воспоминания. /лит. запись Т. Львовой. // Репрессированные геологи. /гл. ред. В.П. Орлов. М., СПб, 1999; Хахулина А.Н. Восемь лет в УнжЛаге /лит. запись И. Семенова, И. Сальникова. // Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Новгород, 1994. Т. 2. и т.п.

3). Воспоминания, написанные с помощью анкет по заказу редакций журналов, газет и сборников.

На родине большая часть мемуаров «по заказу» была создана в перестроечные и постсоветские времена, когда поднялась волна интереса к сталинским репрессиям¹. Редакции журналов, правозащитные организации рьяно взялись за привлечение к публикациям обиженных советской властью людей, в том числе и простых советских граждан. С целью привлечения как можно большего количества источников редакции использовали анкетный метод сбора информации. Вследствие этого подобные источники оказывались похожими на простую автобиографию – насыщенными фактами, но лишенными анализа и личных оценок происходившего и имели небольшой объем.

Главное отличие от предыдущей группы состоит в том, что данные источники не были подвержены литературной обработке профессионалов. Воспоминания писались по просьбе, но самими авторами.

Исходя из специфики темы и большого количества источников, необходимо выделить еще одну группу воспоминаний, созданную людьми, на которых целиком и полностью отразилась судьба заключенных советских тюрем и лагерей.

4). Воспоминания, написанные близкими родственниками бывших узников ГУЛАГа. В основном, это воспоминания жен и детей «врагов народа»². Главная особенность состоит в том, что настоящая группа воспоминаний не может дать того материала, который представлялся непосредственными участниками событий. Записки основываются на собственных размышлениях авторов, воспоминаниях самих узников, материалах следствия и т.д. Можно выделить две основные причины создания подобных источников: во-первых, родственников просили написать воспо-

¹ Первым, кто обратился к бывшим узникам советских исправительно-трудовых лагерей с призывом о написании воспоминаний, был А.И. Солженицын. Организовав в Париже серию «Всероссийская мемуарная библиотека», в 1977 году он призвал советских эмигрантов и жителей Советского Союза присылать свои воспоминания о разных периодах советской и эмигрантской жизни. По его мнению, это «был один из существенных способов сохранить связь с прошлым». См.: Солженицын А. К серии публикаций Всероссийской мемуарной библиотеки // Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983. С.3. В этой серии, выпускавшейся издательством ИМКА-пресс, с большим успехом публиковались и воспоминания бывших заключенных ГУЛАГа.

² Нежметдинов Т. Мертвым не больно. Больно живым // Мертвым не больно. Больно живым. /под общ. Ред. С.Х. Нафиева. Казань, 2000. С. 34-50; Зарипов М. Долгая дорога к правде // Там же. С. 157-169; Тарасова Г. Штрихи к портрету времени // Там же. С. 219-236; Дабудек Н.М. Доносчик – материалы семейного архива. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 1. Д. 51; Егорова Л.Н. Пока мы живы – память жива. Воспоминания об отце Н.И. Егорове. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 1. Д. 62; Шаламберидзе (Нестор) Т.А. Памяти отца. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 1. Д. 129; Чебуркин П.В. Воспоминания. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 1. Д. 125 и др.

минания, во-вторых, авторы желали оправдать, реабилитировать своих близких людей, а с себя снять клеймо «члена семьи изменника Родины», сына, дочери, жены «врага народа».

Причины и обстоятельства создания воспоминаний бывших узников ГУЛАГа являются еще одной их особенностью. Мемуары создавались и создаются в разное время: в заключении, сразу после освобождения, в годы «оттепели», когда стало на какой-то момент можно говорить об этой теме, в годы «перестройки», когда возрос интерес к данной теме, они создаются и в настоящее время.

Карательная политика большевиков берет свое начало с декрета СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 года, в котором говорилось, что «необходимо обеспечить советскую Республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях»¹. А к концу 1921 года в РСФСР действовали уже 122 лагеря.²

И уже в 1921 году по инициативе большевиков для демонстрации гуманного отношения к заключенным в советских тюрьмах была создана первая известная работа, положившая начало воспоминаниям о тюрьмах и лагерях.³ После нее до 1962 года в советском государстве нереально было ознакомиться с подобными свидетельствами, воспоминания создавались и публиковались за рубежом. В основном, это были мемуары бывших советских заключенных, освободившихся еще в 1920-е годы и сумевших выехать за границу, а также воспоминания узников, сбежавших из советского лагерного плена⁴. Цель данных свидетельств – рассказ о творящихся в пределах большевистской страны беззаконий.

Первые поволжские экземпляры создаются в то же время, что и всемирно известное произведение А.И. Солженицына⁵. В основном, авторами произведений становились образованные, интеллектуально мыслящие авторы, зачастую и литера-

¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С.15

² Иванова Г.М. Как и почему стал возможен Гулаг...С. 54

³ Ребрух В. Правда о том, что произошло в Бутырской тюрьме в ночь под 26 апреля 1921 г. М., 1921

⁴ Давыдова Н. Полгода в заключении: дневник, 1920-1921. Берлин, 1923; Дан Ф.И. Два года скитаний (1919-1921). Берлин, 1922; Зайцев И.М. Соловки (Каторга или место пыток и смерти): Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. Шанхай, 1931; Иванов-Разумник. Тюремьы и ссылки. Нью-Йорк, 1953; Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ: Жизнь и борьба советской молодежи. София, 1937; Куракина Т.Г. Воспоминания княгини Т.Г. Куракиной, урожденной баронессы Врангель. (1918-1921) // Русская летопись. Париж, 1923. Кн.5; Солоневич И.Л. Россия в концлагере. София, 1936; Солоневич Т.В. Записки советской переводчицы. София, 1937; Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954 и др.

⁵ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М., 1990; Салахов И.Н. Черная Колыма: (Хроника одной трагической судьбы). Казань, 1991; Ашкенази М.Б. И было в те дни: Очерки, воспоминания. Н.Новгород, 1991 и др.

турно одаренные. Освободившись из лагеря им нужно было заставить себя жить заново, а также ответить на многие неразрешимые вопросы: Как такое возможно? За что? Написание воспоминаний становилось чем-то вроде «излечения», «терапии», ответа на смысложизненные вопросы, поиска мира с самим собой и обществом, а также обращения к потомкам.

Но большая часть воспоминаний приходится на годы «перестройки» и постсоветского времени, когда тема исправительных тюрем и лагерей выходит из рамок запрета и становится популярной и вызывающей интерес. Написание воспоминаний в это время способствовало самоутверждению автора, доказывало его невиновность, нужность и важность советскому обществу и государству, давало возможность избавиться от испытываемого дискомфортного ощущения, позволяло занять достойное место в обществе.

Во втором параграфе «Поволжские узники ГУЛАГа. Кто они?» дается характеристика поволжских авторов воспоминаний о советских политических репрессиях.

Авторы прошли в основном общий путь от ареста до освобождения и реабилитации, поэтому различные источники по многим темам и сюжетам сходны между собой. Много в изложении событий зависит при этом от уровня образованности, рода занятий, занимаемого автором положения в советском обществе. И, исходя из данных критериев, мы раскрываем специфику авторства воспоминаний бывших заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей, арестованных в Поволжье¹.

Репрессивная политика затронула все слои советского населения. Крестьяне и рабочие были самой большой категорией, пострадавшей в ходе репрессий². Большой

¹Списки репрессированных в Поволжье см.: Белая книга: О жертвах полит. репрессий: Самарская обл. /под ред. Н.Е. Попкова и др. Самара, 1997-2004. 20 т.; Из тьмы забвения: Книга Памяти жертв полит. репрессий, 1918-1954 / Рос. Федерация. Астраханская обл. Астрахань, 2000-2003. 2 т.; Книга Памяти жертв полит. репрессий. Республика Башкортостан /под. ред. Х.Х. Ишмуратова и др. Уфа, 1997-2004. 5 т.; Книга Памяти жертв полит. репрессий: Республика Татарстан / под. ред. И.К. Хайруллина и др. Казань, 2000-2004. 12 т.; Книга Памяти жертв полит. репрессий / Рос. Федерация. Ульяновская обл. / сост. и ред. Ю.М. Золотова. Ульяновск, 1996-2001. 2 т.; Книга Памяти жертв полит. репрессий: Удмуртская Республика. /сост. Р.А. Жуйкова и др. Ижевск, 2001; Не предать забвению: Книга памяти жертв полит. репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. /сост. Г.А. Жохова, А.В. Коноплин. Ярославль, 1993-2003. 6 т.; Память: Жертвы полит. репрессий / Рос. Федерация, Республика Мордовия. /под. ред. С. В. Куденева. Саранск, 2004; Трагедия народа: Книга Памяти жертв полит. репрессий. Республика Марий Эл /сост. И.П. Ибраев, Д.А. Изотов. Йошкар-Ола, 1996-2004. 3 т. и др.

² В настоящее время у историков нет единого мнения в определении числа репрессированных крестьян и рабочих. Как утверждают составители сборника «Мертвым не больно. Больно живым», среди жертв политических репрессий самый большой процент составляет крестьянство – 58 %, в то время как рабочих пострадало – 7 %, служащих, деятелей науки, культуры, партийных работников – 8 %. См.: Мертвым не больно. Больно живым /под. общ. ред. С.Х. Нафиева. Казань, 2000. С. 4.

частью в годы «перестройки» и постсоветское время появляются воспоминания крестьян и рабочих – жертв политических репрессий¹.

Данную группу источников отличает ряд особенностей:

– незначительное количество экземпляров воспоминаний. Во-первых, подобные источники вызывают у читателей меньший интерес, чем мемуары «великих» и «знаменитых» людей. Во-вторых, малограмотным людям, каковыми зачастую являются рабочие и крестьяне, трудно литературно правильными словами выразить свою жизнь и они редко берутся за написание воспоминаний.

– небольшой объем текстов, зачастую 2-3 страницы, схожесть с заполненными анкетами и автобиографиями, так как подобные авторы при написании мемуаров использовали либо предоставленные анкеты, либо опыт написания автобиографий. К тому же, авторы подобных воспоминаний руководствуются только своей памятью, не привлекая дополнительных источников. Поэтому их отличают отсутствие точных дат, хаотичность изложения.

– насыщенность фактами без должной оценки происходивших событий. Зачастую они были смутно знакомы с идеологией большевиков, а затем коммунистов. Им трудно рассуждать о политике, трудно анализировать влияние общественных событий на свою судьбу, трудно оценивать деятельность советского государства.

Мемуаристы, конечно, ведут свое повествование в рамках общественных событий, но хотя политика оказала огромное, скорее трагическое, влияние на их жизнь, они более рассказывают о своей будничной жизни, им легко писать о быте, повседневной жизни, как до ареста, так и во время заключения. Они не акцентируют свое внимание на описании того, каким образом политика государственного террора сказалась на их судьбе. Их воспоминания представляют простое описание всей их «многострадальной» жизни. Даже если некоторые авторы и пытались проанализировать

¹ Ангел А.В. Дорога с пересидками. // Петля-2: Воспоминания, очерки, документы. /сост. Ю.М. Беледин. Волгоград, 1994. С. 51-54; Волынская Р.Л. Воспоминания.// Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп.2. Д.13; Голубев Н.Ф. Незабывтое: (Воспоминания жертвы репрессий). // Гулаг: его строители, обитатели и герои: (раскулачивание и гонения на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа). /под. ред. И.В. Добровольского. Франкфурт/Майн, М., 1999. С. 345-347; Голубева М.Д. Незабывтое: (Воспоминания жертвы репрессий). // Там же. С. 347-348; «Досталось нам самое тяжелое время». О репрессиях 30-х годов в деревне. // Эхо веков. 2000. № ½. С. 91-93; Зайцев А.Г. Жизнь реабилитированного. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп.2. Д. 33; Он же. Первый и второй аресты. Лагеря. Воспоминания. // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2. Оп. 2. Д.32; Ильина К.Н. Настанет день, о нас вспомнят. // Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний) Апатиты, 1997; Коллективизация. Свидетельства очевидцев. //Эхо веков. 1997. № ½. С. 123-125; Лука Волков: «Наше правительство как дурной отец: делает врагов из своих сынов». // Эхо веков. 1996. № ¾. С. 122-135; Мадьяров Н.М. Остался на месте нашего дома пустырь. // Клейменные судьбы: Книга очерков и воспоминаний. Ижевск, 1999. С. 108-110; Рыбинцев П.Ф. Пусть светится время то... // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.2 Оп.2. Д. 76 и др.

репрессивную политику советского государства, их рассуждения отличаются наивностью и перемешаны с общеизвестными фактами.

В воспоминаниях образованных, интеллектуально нацеленных авторов помимо описания жизни, мы получаем собственные размышления авторов о советской действительности, причинах происходивших событий. Подобные авторы для подтверждения своих слов зачастую приводят данные из различных источников: судебно-следственных дел, газет, писем, воспоминаний знакомых, известных людей и т.п. Их мемуарные свидетельства отличает достаточный объем и более литературное изложение мемуаров.

Воспоминания партийных работников, также пострадавших в годы террора имеют свои особенности¹. Большинство из поволжских авторов данных мемуаров пришли в партию «от станка», то есть именно при советской власти они проделывают путь от пастуха до преподавателя истории партии, от батрака до члена обкома партии, от крестьянки до редактора партийной газеты, получив при этом образование, и заняв достойное место в советском обществе.

Поэтому их воспоминания как бы раздваиваются. Они в положительных тонах описывают жизнь до ареста, ведь именно в это время они становятся людьми, занимающими не последнее место в обществе. Но тюремное заключение и жизнь в лагере становится для них таким же тяжелым испытанием, как и для всех узников. Эти страницы в своей жизни они описали в темных красках.

Особый интерес вызывают воспоминания авторов, каким-то образом связанных с репрессиями, к примеру, бывших работников юстиции².

Находясь в заключении и освободившись из лагеря, они встречали в свой адрес много вопросов и упреков. Ответ на них они и пытаются дать в своих воспоминаниях, проводя главную мысль в том, что прокуратура в советское время находилась под сильнейшим давлением партийных органов. Авторы, с одной стороны, вспоминают о

¹ Азнабаев К.К. «Все выдержал и в народ свой верю. /подг. к печати и коммен. Г. Агишевой. // Урал. 1989. №1. С. 158-167; Он же. Через круги ада.// Трудный путь к правде. /сост. Г.Д. Иргалин, Н.П. Каменев, Уфа, 1997. С. 64-131; Аксенов П.В. Последняя вера. // Казань. 1993. №1. С. 70-88, 1994. № 9/10. С. 132-153; 1995. № ½. С. 70-85; № 5/6. С. 74-88, № 7/8. С. 140-160; № 9/10. С. 90-118; Васнюхов С.С. Чересполосица. // Петля-3: воспоминания, очерки, документы. Волгоград, 1994. С. 56-125; Куницын К.И. Суд. // Страницы жизни. Пенза, 1992. С. 59-67; Сидоркина Е.Е. Годы под конвоем. /биограф. справка А. Гришкина. // Доднесь тяготеет. Вып.1. Записки ватшей современницы. /сост. С.С. Виленский. М., 1989. С. 268-305 и т.д.

² Валиев А.Х. Записки военного прокурора. Документальная повесть. Казань, 2000, Он же. Тридцатые годы глазами прокурора и узника (повествование о жертвах политических репрессий в Республике Татарстан). Казань, 2003.

своем аресте и заключении, с другой стороны, пытаются дать оценку происходившим в 1920-1930-е годы событиям, рассказать о репрессиях кадров юстиции.

Воспоминания творческой и гуманитарной интеллигенции (журналистов, преподавателей, литераторов, писателей, учителей и т.п.) составляют еще одну группу воспоминаний¹. Их воспоминания отличает литературность изложения, образность описываемых событий, но в то же время подобные мемуары грешат увлечением художественностью, когда определенные факты, события, явления приукрашаются и додумываются. К примеру, арест и причина заключения для многих была непонятна до последнего времени. Не зная истинной причины случившегося факта, мемуаристы начинают искать символы, знаки, предостерегающие события: гадание в карты, «дурной» сон, поведение близких людей и т.д.

Среди записок бывших жертв политических репрессий многое воспоминаний технической интеллигенции: инженеров, архитекторов, авиаконструкторов² и т.п.

Подобные авторы и в лагере зачастую занимались тем же, что и на воле. Поэтому из их воспоминаний мы можем узнать о работе «шарашек», отношении лагерного руководства к подобным специалистам, условиям и обстоятельствах создания различных изобретений.

Вторая глава диссертационного исследования – «Основные особенности содержания воспоминаний поволжских узников ГУЛАГа» посвящена изучению содержания данных источников. Глава состоит из двух параграфов.

Первый параграф второй главы «Воспоминания о поволжской обстановке времени ареста и заключения» нацелена на анализ того, каким образом авторы воспринимали обстановку в Поволжье в годы ареста и заключения, каким образом отразилось в их памяти тюремное заключение.

¹ Ашкенази М.Б. И было в те дни. Н. Новгород, 1991; Бородин Л.П. Воспоминания; Очерки; Стихи. М., 1997; Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М., 1990; Мухина-Петринская В.М. На ладони судьбы: Я рассказываю о своей жизни.... Саратов, 1990; Пахомова П.С. Мое разное детство: Воспоминания. // Дороги за колючую проволоку: Сб. воспоминаний, очерков о людях ГУЛАГА и о правозащитном движении в Одессе /сост. В.М. Гридин. Одесса, 1996. С. 4-27 и др.

² Гергерт В.Э Мечта и грешная земля: Документальное повествование. Пермь, 1994; Горшков В.В. Мне подарили мою жизнь. // Поживши в ГУЛАГе: Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 245-358; Лапшин В.В. Я родом из Васильсурска. // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий. (1918-1980-е гг.). /сост. Т.В. Тигонен. СПб, 1994. Вып. 7. С. 253-289; Барыкин И. Номер 2 М-809. // Петля: воспоминания, очерки, документы. /сост. Ю.М. Беледин. Волгоград, 1992. С.212-217; Коишмиди Ф.М. «Враг», сын «врага». // Петля-2: воспоминания, очерки, документы /сост. Ю.М. Беледин. Волгоград, 1994. С. С. 95-110; Он же. Преступники. // Петля-3: воспоминания, очерки, документы. /сост. Е.А. Кулькин. Волгоград, 1996. С. 225-248; Борин А.А. Преступление без наказания: (Воспоминания узника ГУЛАГа). М., 2000

Многие мемуаристы начинают свое «лагерное» повествование с рассказа о жизни до ареста. При этом в различных текстах годы «свободы» описаны по-разному. Все зависит от личности автора, от понимания им общественной обстановки, от того влияния, которое оказала на него советская власть.

Для рабочих и колхозников жизнь на свободе и в заключении были примерно равноценны, так как многими условиями были схожи между собой. 1920-1930-е годы мало хорошего принесли для простых жителей городов и деревень: тут и голод 1921-1922, 1932-1933 годов, тут и коллективизация, и индустриализация, тут и «ликвидация кулачества как класса», тут и «закон о колосках». Поэтому они больше рассказывают о страданиях, унижениях на протяжении всей своей жизни. Партийные работники, только при советской власти, почувствовавшие «вкус жизни», в восторженных тонах повествуют о событиях в личной и общественной жизни в 1920-1930-е годы: о проведении коллективизации, получении образования, встречах с видными людьми. Многие представители технической и гуманитарной интеллигенции описывают обстановку в Поволжье в годы сталинизма, как беспокойную, тревожную, овеванную страхом, недоверием, подозрительностью.

Поворотным событием в жизни авторов становился день ареста, который чаще всего происходил либо на рабочем месте, либо глубокой ночью. Но если для простых узников арест становится лишь очередным испытанием, то для партийных работников – временным недоразумением, а для интеллигенции – событием, о котором они могли предполагать.

Если до заключения судьба авторов была различной, то помещение в тюрьму или лагерь начинало уравнивать людей, ко всем без исключения применялись одни и те же психологические и физические меры воздействия. Поэтому в описании жизни в заключении авторы преподносят более схожие ситуации, оценки, ведь отношение тюремных работников было практически одинаковым ко всем «врагам народа», вне зависимости от того, что представляла его личность до ареста.

Все заключенные сходятся на мысли, что условия тюремного заключения были ужасающими, во всех воспоминаниях наблюдается минимальная разница по вопросам несвободной жизни. Все авторы описывают примерно одинаковые методы ведения следствия в поволжских тюрьмах, когда к арестантам применялись различные физические и психологические меры воздействия («конвейер», карцер, лишение пе-

реписки с родными, помещение в камеру к уголовникам, постоянно включенная лампочка в камере, побои, ночные допросы, голод и т.п.).

На страницах мемуаров оживают и фамилии тюремных работников, которые осуществляли эти меры воздействия. Рисуя портреты служаков закона, большинство авторов дают самые негативные характеристики, презрительные прозвища (квазимодо, опричник, Малюта Скуратов), лишь некоторые из них заслуживают положительных слов.

Многие из авторов, до заключения считавшие, что в тюрьму сажают настоящих преступников, понимали, что из себя представляет советская власть и НКВД. При этом многие, осознав истинность советской власти, не налагали вину на Сталина. Среди заключенных ходило представление о том, что все это дело рук местных начальников и органов НКВД.

Для многих мемуаристов поворотным моментом становилось заседание суда, хотя для некоторых узников приговор выносился без него. Во многих записках его описывают в 2-3 словах. В большинстве случаев, как видно из воспоминаний, судебное заседание представляло собой проигрывание заранее отработанного сценария, где от заключенного ничего не зависело, важен был лишь вынесенный приговор: лагерь или расстрел, другого фактически было не дано.

Многие после осознания того, что освобождение невозможно начинали стремиться в лагерь, так как лагерное заключение виделось им в моральном плане более легким.

Второй параграф второй главы «Основные тенденции мемуаристики узников ГУЛАГа» посвящен описанию лагерного заключения таковым, каким оно виделось его узникам.

Как видно из воспоминаний, лагерь оказал влияние на всех заключенных, благодаря ужасным условиям существования, давлению со стороны лагерного персонала и т.п. Практически все авторы, побывавшие «за колючей проволокой» лагеря рисуют образ типичного заключенного; представляют одинаково жестокий, приемлющий только свои особые законы, имеющий только ему присущие специфические черты, лагерный мир. Воспоминания рисуют нам картину лагерного быта, внутрилагерных отношений, дают возможность понять психологию, внутренний мир заключенных.

Следует выделить несколько аспектов, на которых заставляет сосредоточить прочтение различных мемуаров. Обращает на себя внимание тот факт, что условия содержания в лагерях, конечно, были ужасающими. Но при сопоставлении их с жизнью некоторых контингентов свободного советского общества приходится отмечать много схожего. Воспоминания узников ГУЛАГа рисуют нам лагерную повседневность, где всегда царит холод, голод, беззаконие и произвол. Но и в свободном обществе многих советских жителей окружали непростые жилищные условия, нехватка еды и одежды.

Кроме того, лагерные кадры не были изолированной группой лиц. Они жили по нормам советского общества, воспитывали детей, общались с родными и близкими и тем самым транслировали субкультуру насилия, сформированную в лагерном мире на семью и общество в целом.

По мере того, как лагерная система разрасталась и вглубь, и вширь, она все более напоминала советское общество в миниатюре. Можно заявить, что не все слои населения пребывали в нужде, но и заключенные в лагере бедствовали по-разному.

Что же отличало лагерь от свободы? Главное отличие лагеря от свободы, как становится понятно из воспоминаний его бывших заключенных, это отсутствие самой свободы. В большей степени личность узника лагеря деформировали не жизненные условия содержания, а моральное давление со стороны лагерного руководства, влияние лагерного окружения, осознание своей ненужности для государства и общества.

Практически все авторы воспоминаний, фиксируют внимание на отгороженности, закрытости, изолированности лагерей от мира «свободы», потери ориентиров заключенных во времени – все это заставляло чувствовать заключенных свою несвободу, свою ущербность и зависимость от воли государства.

Ни один человек не сможет прожить без общества, оценка человеком самого себя, в большей степени выстраивается под влиянием высказанных мнений воспитателей, педагогов, родителей и т.п. и одной из существенных составляющих, прямо и косвенно воздействующих на личности заключенных, было отношение к ним государства, лагерного сообщества.

Практически ни один мемуарист не обходит стороной свои замечания насчет того, что собой представляло гулаговское общество, на какие категории оно делилось. Одним из признаков системы отношений, которая характеризовала лагерный мир,

было соотношение и лагерный статус различных заключенных. Следует при этом отметить, что отношение к различным категориям узников со стороны лагерного персонала, а, значит, и со стороны государства было заведомо неодинаковым. Заключенные сами выделяют несколько групп в лагерях, которые вмещаются в две категории: политических и уголовников. На низшей ступени иерархии жителей ГУЛАГа находилась категория «доходяг». Многие заключенные смысл жизни в лагере связывали с тем, чтобы не оказаться в их числе.

Каким образом можно было защититься от воздействия лагерного мира, как возможно было уберечь человеческое достоинство, дабы не превратиться в «доходягу»? Заключенные должны были найти смысл своего заключения, каким-то образом доказать свою важность. Один из смыслов для некоторых заключенных был таков. Они начинали считать себя жертвой безвинно изолированной от общества. Своим трудом, рвением, особенно в военные годы, они старались доказать свою верность партии и государству. Один из способов защиты состоял в том, что человек, анализируя свое заключение, понимал, что он не один такой. Подобные мысли смягчали осознание своего положения. Кто-то полностью уходил в работу.

Еще один момент в воспоминаниях, на который приходится обращать внимание – отношения заключенных с семьей, оставленной на воле. В первые месяцы своего заключения, одной из сил, поддерживающих заключенных были связи с семьей, но с течением времени различные обстоятельства (невозможность общения, отказ родственников от мужей, родителей – «врагов народа», большой срок заключения и т.п.) заставляли узников лагерей отдаляться от своих родственников.

При этом практически все авторы воспоминаний о советских тюрьмах и лагерях своим примером подтверждают то, что большинство заключенных остались в лагерях людьми, осознающими границы нравственности. Хотя, вынеся на себе все ужасы лагерной системы, как физические, так и психологические, бывшие заключенные все-таки на долгие годы, а, может, и на всю жизнь, стали людьми с чувством собственной неполноценности.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Грузова Н. «Оставь надежду всяк сюда входящий». / Н. Грузова // Эхо веков. – 2005. – №2. – С. 157-160
2. Грузова Н.А. Воспоминания Е. Гинзбург о Казанском университете 1920 и 1930-х годов. / Н.А. Грузова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. науч. статей и сообщений. /сост. и ответ. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – С. 153-157
3. Грузова (Мухинова) Н.А. Война в воспоминаниях заключенных исправительно-трудовых лагерей СССР. / Н.А. Грузова (Мухинова) // Татарстан в годы Великой отечественной войны: люди, события, память: Сб. статей: материалы науч. конф. Казань, 12-14 мая 2005. / науч. ред. А.Л. Литвин; сост. С.И. Ионенко, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2006. – с. 48-53